

Размышляя над прочитанным

УДК 372.893+378+37.02

ОБРАЗЫ РОССИИ И США В УЧЕБНИКАХ ДРУГОЙ СТОРОНЫ

© 2010 г. **Э.Я. Баталов***

Институт США и Канады Российской академии наук, Москва

Размышления о сборнике статей «Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций», подготовленном группой российских и американских учёных и посвящённом анализу взаимных образов России и США в учебниках для высшей и средней школы XIX–XXI веков по истории, литературе и другим предметам.

Ключевые слова: *США, Америка, СССР, Россия, образ, история, литература, экономика, сравнительный анализ, учебник, школа.*

Всякий раз, сталкиваясь с нелепыми представлениями американцев о России (а в прошлом – о Советском Союзе), я спрашивал себя: «Откуда они это взяли?». Тот же вопрос задавал себе и тогда, когда слышал неумные суждения своих соотечественников о Соединённых Штатах Америки. Вопрос, впрочем, был риторический. Ясно, откуда: из «ящика», из газет, из высказываний окружающих... А ещё – из школьных учебников.

Кто-то скажет, что это преувеличение роли учебной (образовательной) литературы в формировании у молодых людей представлений о самих себе, об окружающем их мире, о «Других», населяющих этот мир. Думается, это не так. «Школьные и университетские учебники по гуманитарным наукам играют важную роль в конструировании национальной идентичности посредством формирования образа мира, определения места и роли в нём собственной страны, а также поддержания стереотипов восприятия других стран и народов, запечатлённых в исторической и культурной памяти» [14, с. 5]. При этом особое значение приобретает образ той страны, «по отношению к которой собственное общество выстраивает свою национальную идентичность – того конструирующего “Другого”, само существование которого придает форму “Я”-концепции. На протяжении многих десятилетий таким другим оставались друг для друга Россия и Соединённые Штаты Америки» [14, с. 5].

Этими суждениями – а с ними нельзя не согласиться – открывается недавно вышедшая книга «Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций», подготовленная большим авторским коллективом под руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры мировой поли-

* БАТАЛОВ Эдуард Яковлевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. E-mail:ehbatalov@yandex.ru.

тики и международных отношений, руководителя программы по американистике, заместителя заведующего отделением международных отношений Российского государственного гуманитарного университета (Москва) В.И. Журавлёвой и доктора исторических наук, заведующего кафедрой международных отношений, регионоведения и политологии, директора Центра американских исследований «Американа» Волгоградского государственного университета И.И. Куриллы.

Этот сборник статей российских и американских исследователей, посвящённый анализу образов другой страны (соответственно России и США) в учебниках для средней и высшей школы, а также в другой учебной литературе, вышедшей в этих странах в период с начала XIX по начало XXI века, объединил усилия представителей не только разных специальностей (историков, политологов, филологов, географов, культурологов), но и разных поколений и культурных традиций*. В итоге на свет явилась книга, которая находится в плоскости новой, ещё только становящейся научной дисциплины, которую одни называют имагиологией, другие имиджелогией и разработка которой открывает заманчивые научные перспективы [1; 2; 3; 11; 12; 13].

Стоит напомнить, что это не первый случай объединения усилий отечественных и американских учёных для исследования проблемы, интересующей обе стороны. В качестве примера можно привести хотя бы опыт – весьма удачный и резонансный – совместной публикации документов, касающихся становления отношений между Россией и США в конце XVIII – начале XIX века [15]. Но соединить усилия российских и американских специалистов для исследования такой деликатной темы, как опыт взаимных репрезентаций, служившей в годы «холодной войны» полем битвы двух стран, прежде было немислимо. И то, что теперь учёные России и США спокойно, по-деловому, признавая собственные просчёты и отмечая ошибки и недочёты другой стороны, обсуждают вопрос о том, какие образы друг друга закладывались в сознание детей в разные периоды нашей истории, – не есть ли это свидетельство начала нового этапа в творческих отношениях представителей двух стран, имеющих дело с такой тонкой материей, как учебная литература по общественным наукам для средней и высшей школы?

Для России вопрос об учебной литературе, отвечающей требованиям времени, приобрёл в последние годы особую остроту. И это не случайно. Школа, особенно средняя, – один из активных агентов социализации, значение которого в формировании личности и её гражданской позиции особенно велико. Ведь именно в процессе ранней социализации в сознание учащегося закладываются установки и ориентации, которые впоследствии будут во многом определять его видение мира, его отношение к себе и к «Другому». И чтобы понять, например, почему такими стойкими оказываются стереотипы «холодной войны», следует, помимо прочего, посмотреть, по каким учебникам учились люди, у которых мы обнаруживаем эти стереотипы, и кто был их учителями.

* В сборник вошли статьи Арустамовой А.А., Бузиной Т.В., Дессантс Б., Долуцкого И.И., Журавлёвой В.И., Зверевой Г.И., Куриллы И.И., Кубышкина А.И., Макарычева А.С., Сидорова Д., Силджэк А., Стоуна Д., Уайла И., Цветкова И.А., Шпотова Б.М.

Как человек, который, работая в Академии наук, одновременно преподаёт (на протяжении четырёх с лишним десятилетий) в высшей школе и в силу специфики читаемых курсов касается образов «Другого», автор этих строк много раз задавал себе вопросы: «Каким должен быть учебник по общественным наукам? И каким должен быть учебный курс по истории, политической науке и другим дисциплинам того же ряда?».

Мне кажется, он должен удовлетворять минимум четырём требованиям. Во-первых, давать достоверную, возможно более полную и релевантную, т.е. имеющую отношение к делу, информацию. Информацию, которая бы периодически обновлялась, пополнялась, уточнялась.

Во-вторых, способствовать формированию критического (в кантовском смысле этого слова) мышления. Научить человека думать невозможно: это может сделать только он сам. Но вот помочь ему научиться думать – одна из задач педагога. Её решение требует нескольких условий, одно из которых – наличие добротных учебников (желательно – нескольких по одному и тому же предмету).

В-третьих, способствовать формированию гражданского сознания. Кстати сказать, этот вопрос серьёзно исследовали – с легкой руки Чарльза Мерриам, главы некогда знаменитой Чикагской школы политической науки, утверждавшего, что демократия требует наличия гражданского общества, а гражданское общество требует наличия гражданина – американские специалисты, и у них есть, чему поучиться.

В-четвёртых, учебники и учебные курсы по общественным наукам должны, как представляется, прививать, наряду с любовью к собственной стране, позитивное, конструктивное отношение к «Другому». У каждого народа есть много хорошего, и об этом надо говорить детям. Мир, конечно, не без теней. И закрывать глаза на эти тени (как чужие, так и свои) нельзя. Но и о хорошем надо рассказывать обязательно. И не дело сознательно и целенаправленно утверждать достоинство собственной страны через унижение других стран, отличающихся от тебя.

Складывается впечатление, что авторы рассматриваемого сборника придерживаются в большинстве своём тех же или близких позиций. Во всяком случае, во многих из четырнадцати составляющих его статей содержится попытка ответа на вопрос – пусть это делается и не «в лоб» – «как надо писать учебники и как их писать не следовало бы?», и это вселяет надежду на то, что в завтрашней учебной литературе, по крайней мере, российской, образ «Другого», в данном случае – Америки, будет более адекватным реальности.

Но обратимся к текстам. «Мы задумывали это издание, – поясняют составители сборника, – с целью привлечь внимание российских и американских коллег к обсуждению вопроса о том, каким образом на протяжении XIX – начала XXI века учебный текст участвовал в конструировании идентичности по обе стороны Атлантики, как представления о России в США и о Соединённых Штатах в Российской империи/СССР/постсоветской России, интегрированные в тексты школьных и университетских учебников по истории, литературе, географии, международным отношениям и политологии, способствовали выстраи-

ванию нарратива-Я в различные периоды двусторонних отношений с учётом внутренней и международной повестки дня» [14, с. 8].

Задача непростая. И чтобы решить её, требовался конкретный анализ конкретных текстов, а сами тексты следовало рассматривать с учётом исторических условий их формирования. По этому пути и пошли авторы сборника. Как и следовало ожидать, тон ему задаёт открывающая книгу, построенная на большом фактическом материале статья В.И. Журавлёвой и И.И. Куриллы «Образы России на страницах американских школьных учебников истории XIX – начала XX века» [14]. Авторы исследуют и сравнивают, как они сами их называют, «образовательные рефлексии» американцев на изменения, происходившие под влиянием очередного этапа «открытия» ими России, которую они ещё недавно воспринимали как «дикую», и русских, которых они ещё вчера называли «полуварварами». Но времена менялись, а вместе с ними менялись и образы этого значимого для Америки «Другого». Порой они «позитивировались», как пишут авторы, порой приобретали отчётливо выраженную негативную направленность, порой становились относительно нейтральными. Но во всех случаях политический режим Российской империи представлял «как прямая противоположность свободным институтам США, как самый яркий пример абсолютной монархии из существующих в то время» [14, с. 38]. И всё это находило отражение – пусть не всегда оперативное и прямолинейное – в американской учебной литературе.

Сравнение текстов сборника – в частности, статей доцента факультета истории Университета Куинз (Канада) Аны Силджэк «Дискуссия по вопросу о национализме: преподавание русской истории в 1890–1904 годах», статей «Восточный фронт в американских учебниках истории: взгляд оптимиста» и «Педагогика патриотизма: “холодная война” как элемент гражданского воспитания в 1957–1964 годах», написанных соответственно профессором истории Канзасского государственного университета Дэвидом Стоуном и доцентом факультета истории и философии Шиппенбургского университета (штат Пенсильвания) Бетти Дессантс, – позволяет сделать ряд важных выводов и о роли американских учебников в формировании образа России, и о путях этого формирования, и о его содержательном наполнении.

Прежде всего, обращает на себя внимание «неустойчивость, “текучесть” образа России, представленного в американских учебниках» [14, с. 66]. В. Журавлёва и И. Курилла полагают, что «это может быть признаком как не до конца сформированных стереотипов в отношении нашей страны, так и проблем с самоидентификацией, испытываемых американцами на протяжении XIX – начала XX века» [14, с. 66]. Соглашаясь с таким объяснением, добавлю, что, на мой взгляд, а он, как представляется, подтверждается другими статьями сборника, как, впрочем, и иными публикациями, дело ещё и в том, что образ значимого «Другого», рассматриваемый в рамках более или менее длительного периода времени, всегда «текуч», всегда «неустойчив», и связано это с постоянными историческими изменениями роли и значения этого «Другого», равно как и политического и социального контекста, в который вплетены отношения между имиджмейкером и прообразом имиджа.

Авторы сборника показывают, что образ значимого «Другого» играет существенную роль в конструировании собственной национальной идентичности и формировании «педагогика патриотизма». История этого «Другого» подаётся так, чтобы воспитать у школьников гордость за собственную страну. «Русский “Другой” явно или неявно принимал участие в конструировании представлений подрастающего поколения американцев о себе и своей стране, а постижение ими не только национальной, но и российской истории превращалось в составляющую “педагогика патриотизма”, что останется характерной чертой позиционирования России на страницах американских школьных учебников на протяжении всего XX века» [14, с. 67].

Как конкретно выглядела эта «педагогика патриотизма» в годы «холодной войны», хорошо показано в упомянутой выше статье Бетти Дессантс. Школьный класс пытались превратить ещё в одно поле битвы с мировым коммунизмом, сделав американским детям антикоммунистическую «прививку». С этой целью, как пишет Дессантс, в период между 1957 и 1964 г. ряд консервативных организаций, религиозных групп, профессиональных ассоциаций и даже законодателей штатного и федерального уровней, а также некоторые представители образовательного истеблишмента предпринимали попытки включить изучение «коммунизма» (прежде всего, в его советском варианте) в учебные планы по общественным дисциплинам и истории для средней школы. Понятно, что предлагавшийся «курс по коммунизму» (один из тезисов которого, в частности, гласил: «Коммунисты выступают за свержение правительства Соединённых Штатов и разрушение американского образа жизни») был на самом деле курсом по антикоммунизму, а точнее – по антисоветизму.

Так что образы России и Советского Союза, конструировавшиеся в разное время американскими историками, были в целом далеки от прототипа и при всех их отличиях друг от друга давали во многом превратное представление о России/СССР и вряд ли могли способствовать пробуждению у американцев симпатий к нашей стране и её народу.

А какой образ Америки вставал со страниц учебников, подготовленных советскими и современными российскими историками? Поискам ответа на этот вопрос посвящены две большие статьи, помещённые в сборнике. Одна из них – «Д-р Джекилл и м-р Хайд: США в советских и российских учебниках истории» – принадлежит перу И.И. Долуцкого, «учителя истории с 30-летним стажем, преподавателя Европейской гимназии в Москве, автора 14 учебников по российской и зарубежной истории для школ, лицеев и университетов». Вторая статья – «Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики» – подготовлена доктором исторических наук, профессором кафедры Североамериканских исследований Санкт-Петербургского государственного университета А.И. Кубышкиным и кандидатом исторических наук, доцентом той же кафедры И.А. Цветковым.

Долуцкий весьма резко, не жалея иронии и сарказма, отзываясь о советских учебниках истории (причем не только в их американистских разделах) для средней школы, обвиняя их составителей в цинизме, фальсификации, умолчаниях и т.п. «Цинизм авторов пособий пределов не знал. Дело даже не в том, что у них “Америка конца XX века” мало чем отличалась от Америки

столетней давности. Вот что произошло в 30-е годы “В 1934 г. в капиталистических странах умерло от голода 2 млн. 400 тыс. человек, а в США было уничтожено более 1 млн. вагонов зерна (этого достаточно, чтобы прокормить 100 млн. человек в течение года)...” [10, с. 88–90]. Конечно, стоило бы сравнить с тем, сколько умерло от голода в СССР в 1932–1933 гг. (по крайней мере, 3–5 млн. человек), сколько вывезли зерна из голодающей страны (а это за 1930–1931 гг. – 10 млн. т). Мы с детьми это делали в классе. Но учебниками не пользовались – там этих цифр не было. Советские учебники, – замечает Долоцкий, – вообще сочинялись чудесным образом. Например, учебник по истории СССР для 9-го класса заканчивался пассажами о торжестве социалистической демократии в связи с принятием конституции 1936 г., а учебник для 10-го класса начинался заявлениями о торжестве социалистической демократии уже в 1939 г. в связи с XVIII съездом партии.

Синкопа в искусстве играет заметную роль. Что уж говорить об искусстве фальсификации» [14, с. 233].

Долоцкий не согласен с тем, как подаётся в наших учебниках Вторая мировая война и роль союзников. Это касается, в частности, открытия второго фронта. Полемизируя с тезисом о том, что «второй фронт был открыт с опозданием на два года», он пишет: «Ученики к старшим классам уже умеют считать до трёх, а то и четырёх и знают географию. К лету 1944-го на европейском “материке” уже имелось два фронта – итальянский и балканский. Сверх этого – воздушный фронт. Да к ним – морские батальоны в северных морях. Там что же, Красная Армия воевала?... Мифы о войне, Победе, союзниках, “Западе”, США – только часть того виртуального мира, который должна была создать и внедрить в сознание ребенка советская школа, являвшаяся частью “агитационно-идеологического” аппарата партии» [14, с. 236, 238].

Но и современные российские учебники истории вызывают критику со стороны Долоцкого – в том числе и в плане оценки Соединённых Штатов. Он считает, что детей продолжают обучать «по советским принципам воспитания патриотизма», что «в начале третьего тысячелетия» делать просто «нелепо».

Долоцкий не скрывает, что его воззрения на исторические события, на политику США, их роль и место в мире, равно как и его оценки отечественных учебников истории – не типичны, разделяются далеко не всеми его российскими коллегами и, как он пишет, вызывают «раздражение министерства образования». И потому было бы, конечно, очень интересно узнать, как оценивают наши учебники – прежде всего в американистском плане – другие учителя, преподающие историю в средних школах России, и что, с их точки зрения, изменилось (если изменилось) в этих учебниках за последние два десятка лет. Увы, статей, которые давали бы ответ на эти вопросы, мы в сборнике не отыщем. Но уже из публикации Долоцкого вытекают, по меньшей мере, два вывода. Первый: единой точки зрения на образ Америки в советских/российских школьных учебниках не существует. Второй: вопрос о том, как «подавать» историю Соединённых Штатов Америки и как оценивать отношения между нашими странами в этих учебниках – вопрос серьёзный, пока ещё не решённый (в методологическом, методическом, да и в политическом планах) и потому,

очевидно, нуждающийся в открытом и свободном обсуждении – возможно, с привлечением историков-американистов.

А как обстоит дело с учебниками истории для высшей школы? В своей статье А.И. Кубышкин и И.А. Цветков, оставляя вне поля зрения общие учебники по новой и новейшей истории, в которых Соединённые Штаты представлены только в качестве фрагмента мирового исторического процесса, рассматривают лишь «специальные учебники по истории США, главным образом по гражданской и политической» [14, с. 183]. (Надо сразу сказать, что эта статья хорошо дополняется в тематическом отношении статьёй доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Б.М. Шпотова «Экономика и бизнес США в советских и постсоветских учебниках истории» [14, с. 207], о которой будет сказано далее).

А.И. Кубышкин и И.А. Цветков рассматривают несколько десятков работ отечественных историков – и тех, которые, будучи по жанру монографиями (как, например, опубликованная в 1934 г. книга А.В. Ефимова «К истории капитализма в США» [4]), использовались в качестве учебного пособия, и те, которые создавались их авторами именно как учебники. При этом указанные исследования охватывают широкий период времени – с последней четверти XIX века, когда появились работы С.Ф. Фортунова, М.М. Ковалевского и других исследователей, до наших дней.

Признавая, что в работах А.В. Ефимова, Л.И. Зубока, В.И. Лана, Г.Н. Севостьянова, других американистов, писавших свои книги по истории США в советский период*, есть определённые позитивные черты, авторы статьи, вместе с тем, отмечают их недостатки: «невнятность», «многочисленные умолчания», догматизм, боязнь «сболтнуть лишнего», стремление «обходить рискованные сюжеты» и т.д. и т.п. И вот итоговый вердикт: «Идеологическое давление, в условиях которого рождалась и на протяжении нескольких десятилетий раз-

* Авторы статьи особо выделяют «хрущёвско-брежневский» период развития советской американистики, который отличался «впечатляющим институциональным ростом.., а также активной деятельностью десятков исследователей, целиком посвятивших себя изучению Соединённых Штатов. Центры американистики складывались главным образом в Москве – МГУ, МГИМО, Центр североамериканских исследований в Институте всеобщей истории АН СССР и Ленинграде – ЛГУ, ЛГПИ им. Герцена, сектор в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Впоследствии группы и центры изучения американистики возникли и в других крупных университетских центрах – Горьком (Нижем Новгороде), Куйбышеве (Самаре), Томске, Иркутске, Волгограде» [14, с. 188]. Вызывает недоумение, что среди названных центров не упомянуто учреждение, специально созданное в 1967 г. для изучения Соединённых Штатов – Институт США АН СССР (переименованный в 1974 г. в Институт США и Канады АН СССР, позднее – ИСКРАН). В Институте было подготовлено множество книг по истории, экономике, политике, культуре, общественной мысли США, в нём работали или работают поныне такие известные учёные-американисты, как Г.А. Арбатов, В.Н. Гарбузов, В.П. Золотухин, Н.Г. Зяблюк, Э.А. Иванян, В.А. Кременюк, В.О. Печатнов, С.М. Рогов, В.Б. Суляян, А.И. Уткин и другие. Ряд сотрудников ИСКРАН принимали участие в создании известной «Истории США в четырёх томах» [6]. С 1970 г. институт издаёт ежемесячный журнал «США ❖ Канада: экономика, политика, культура» (прежнее название – «США: экономика, политика, идеология»), на страницах которого были опубликована сотни статей, посвящённых различным сторонам жизни американского общества. Многие из этих книг и статей используются в учебном процессе – как на действующем в рамках Института факультете мировой политики Государственного академического университета гуманитарных наук, так и в других вузах страны.

вивалась отечественная американистика, привело, помимо прочего, к деформации и даже полному разрушению ряда базовых нарративных и аналитических процедур, на которых только и может держаться социально-гуманитарное знание. В результате, учебные тексты по «Истории США» не столько доносили до студентов необходимые знания по теме, сколько дезориентировали их и приучали к искажённому, логически и стилистически ущербному формату представления исторического материала» [14, с. 206].

А.И. Кубышкин и И.А. Цветков отмечают достоинства ряда учебников по истории США, написанных российскими авторами в постсоветские годы. Это относится, прежде всего, к книге доктора исторических наук, профессора, главного редактора журнала «США ❖ Канада: экономика, политика, культура» Э.А. Иваняна «История США» [5] – первому отечественному «обзорному» учебнику по истории Соединённых Штатов Америки, охватывающему все хронологические периоды и дополняющей этот учебник уникальной хрестоматии, в которой представлены тексты важнейших исторических документов, а также заявления, речи и т.п. видных государственных и общественных деятелей США начиная с 1620 года [7]. «Э.А. Иванян указал во введении, – замечают авторы статьи, – что “пособие написано... с учётом последних теоретико-методологических исследований”, в нём “использован широкий круг исторических источников”. В дальнейшем читатель не раз убеждается, что это действительно так... “Высокий научный уровень” в целом убедительно продемонстрирован...» [14, с. 201–202].

Выделяют авторы статьи – прежде всего, в плане теоретической проработки материала – и учебник «История США», написанный доктором исторических наук, профессором, главным редактором журнала «Общественные науки и современность» В.В. Согриным [16]. По мнению А.И. Кубышкина и И.А. Цветкова, «пример с этим учебником наглядно показывает, что не объём фактического материала и не количество ссылок на архивные документы превращает учебный текст в эффективный инструмент работы со студентами. Опыт использования учебника В.В. Согрина в преподавании показывает нам, что краткость содержания с лихвой компенсируется в данном случае коэффициентом его усвоения, за счёт встроенности фактического материала в логику авторского теоретического осмысления исторической действительности» [14, с. 203–204].

И, тем не менее, А.И. Кубышкин и И.А. Цветков предъявляют немало претензий и авторам упомянутых учебников, и другим американистам, опубликовавшим в последние годы книги по истории США – Б.Д. Козенко и Г.Н. Севостьянову, написавшим «Историю США» [8], А.С. Манькину, автору «Новой и новейшей истории стран Европы и Америки» [9] и другим. «Авторская манера и тематические приоритеты советских американистов в целом благополучно пережили окончание “холодной войны”. Президенты у Э.А. Иваняна, рабочее движение у Б.Д. Козенко, монополии и индустриализация у Б.М. Шпотова, идеология у В.В. Согрина сохранили свой “стержневой” статус, и это чётко прослеживается в написанных ими учебных текстах» [14, с. 204]. Упрекают авторов и в том, что во многих случаях «студент... остаётся в счастливом неведении относительно ряда важнейших исторических событий и фактов» [14, с. 202]; что «в некоторых случаях авторы вообще ничего не говорят о своём

теоретическом кредо» [14, с. 202]; что «навёрстывание ушедших вперёд в научном плане американцев так и не началось» [14, с. 205] и т.п.

И вот – общий вердикт. «Определённая риторическая беспомощность, традиция гипертрофированной “научной серьёзности” в сочетании со снисходительно-высокомерным отношением к учебнику как жанру научного творчества, отсутствие серьёзной дидактической составляющей и низкое качество полиграфии – всё это в комплексе приводит к отсутствию полноценных, востребованных студентами текстов, способных конкурировать с американской учебной литературой» [14, с. 206].

В самом деле, наши учебники порой чрезмерно серьёзны, чтобы не сказать занудны. Их полиграфическое исполнение оставляет желать лучшего. Не все они безупречны в риторико-стилистическом плане. Даёт о себе знать специализация авторов. И нам, конечно, есть, чему поучиться у лучших американских коллег, которые серьёзно относятся к учебной литературе, регулярно обновляют её, встраивают в текст интересные визуальные ряды и т.п.

Однако позволю себе не согласиться с А.И. Кубышкиным и И.А. Цветковым в том, что отечественные «тексты» не способны «конкурировать с американской учебной литературой» в содержательном плане. Учебники истории никогда не пишутся «вообще», они имеют конкретного адресата. Наши, российские, учебники по истории США не могут быть близнецами учебников по истории родной страны, которые пишут американские авторы, ибо рассчитаны они, прежде всего, на отечественного студента и учитывают специфику его воспитания, подготовки, интересов, хотя могут быть использованы и в учебном процессе других стран. Добавим к этому, что американские учебники (как показывают авторы сборника) далеко не всегда отличаются объективностью и во многих случаях рисуют явно идеализированный, приукрашенный образ Соединённых Штатов. Если же, говоря о конкуренции, А.И. Кубышкин и И.А. Цветков имеют в виду американские учебники для высшей школы по истории России, то где они, эти учебники? Где написанные американскими профессорами хрестоматии по российской истории? Тут о конкуренции надо думать не нам, а заокеанским учёным.

Трудно согласиться и с тезисом о невостребованности отечественных учебных текстов нашими студентами. По собственному опыту, как и по опыту общения с коллегами-преподавателями, знаю, что такие книги, как, скажем, «История США» Э.А. Иваняна (кстати сказать, выдержавшая не одно издание) или «Политическая история США XVII–XX вв.» В.В. Согрина, пользуются спросом у студентов ГАУГН, МГИМО(У), РГГУ, других вузов, где преподаётся история.

Критически оценивает постсоветские учебники истории в плане освещения ими экономики и бизнеса США и Б.М. Шпотов. Какие-то изменения, конечно, произошли. «Со страниц учебников исчезли наиболее одиозные положения о “высшей и последней стадии” капитализма, “третьего этапа” его общего кризиса, как и оставшийся без ответа вопрос, к чему этот этап, в конце концов, должен привести» [14, с. 220]. Но радикальных качественных сдвигов, считает автор статьи, не произошло. «Говорить о достижениях американистов в номинации “экономическая история” и “история бизнеса” нет оснований. Из года в год тиражируются учебники всё с теми же теоретическими изъянами и старой

эмпирической базой. Доминирует, как правило, социально-политическая тематика» [14, с. 228]. Грядущее тоже не выглядит радужным. «В обозримом будущем на образ заокеанского “Другого” будет влиять, скорее всего, образ российского “Своего”, столетней давности, но возведённый в ранг современного национально-культурного идеала» [14, с. 228].

Конечно, идеального или близкого к идеальному учебника по истории США отечественными авторами пока не создано и работы впереди много. Но тематика рассматриваемого сборника заставляет поставить вот какого рода общий вопрос: стал ли образ Соединённых Штатов Америки, нарисованный российскими американистами на страницах лучших постсоветских учебников для высшей школы, более адекватным реальности, более содержательным, более глубоким и ярким и – что тоже важно – более привлекательным? Мне представляется, что ответ на этот вопрос должен быть в целом утвердительным. И сказать об этом надо прямо и отчётливо.

Дело с отечественными учебниками по литературе США, если верить авторам опубликованных в сборнике статей, обстоит лучше, чем с учебниками по истории. Хотя трудности тоже налицо. Как пишет А.А. Арустамова, «образ Америки в школьных пособиях и в круге детского чтения в XIX – начале XX века был свободен от идеологических штампов и догматизма. Образ США был нацелен на то, чтобы пробудить самостоятельное мышление учащихся, дать информацию о разных сторонах жизни Америки, ввести читателя в её историю, культуру и литературу» [14, с. 82].

В советское время и особенно в годы «холодной войны» ситуация меняется существенным образом. Идеологическое измерение становится непременным атрибутом практически любого учебника (учебного пособия), идёт ли речь об американской истории, литературе, экономике. Но одно дело история или экономика и другое – словесность. Авторы учебников по литературе – по крайней мере, некоторых из них – будучи вынуждены «выискивать соответствия идеологической норме», всё-таки чувствовали себя достаточно свободно, чтобы «даже под жестоким давлением цензуры» не извращать содержание описываемых произведений и по возможности «соблюдать объективность». Создатели учебников по американской литературе ходили по «идеологическому каналу», «пытаясь описать подлинную реальность американской литературы и одновременно прорваться через официальную цензуру. Жертвы на этом пути были неизбежны, но они могли быть разного масштаба...» [14, с. 100].

К сожалению, мы не можем сравнить российские учебниковые представления об американской литературе с американскими представлениями о литературе российской и советской, ибо в сборнике нет статей, посвящённых исследованию последних. Однако если исходить из логики и содержания статьи профессора филологии Северо-Западного университета (штат Иллинойс) Ирвина Уайла «По волнам памяти 80-летнего слависта», то американские учебники давали определённую информацию о русской классической и (хотя и в меньшей степени) советской литературе. Сколь велик был объём этой информации и какова была степень её соответствия реальности – вопросы открытые. Но можно предположить, что ситуация чем-то напоминала ту, которая имела место в Советском Союзе.

В книге ставится и рассматривается на конкретном материале важный теоретико-методологический вопрос – вопрос о факторах детерминации базовых параметров американского образа России. «Используя схему франко-болгарского учёного Ц. Тодорова, – пишут В.И. Журавлёва и И.И. Курилла, – можно сделать вывод о том, что в американских учебниках по всеобщей истории при конструировании образа России её оценка зависела, прежде всего, от собственной повестки дня. Праксис определял аксиологию» [14, с. 66]. Авторы констатируют правильную и, в общем, известную вещь: потребности практики, за которыми стоят соответствующие интересы, определяют и наши ценностные установки, и наши когнитивные позиции, а в конечном счёте и многие параметры имиджа “Другого”. Зачем им понадобилась апелляция к схоластической и претенциозной схеме «франко-болгарского учёного Ц. Тодорова» – загадка.

Но дело не только в национальной «повестке дня». Выясняется любопытное и поучительное обстоятельство: американские образы России зависели от характера отношений между двумя странами. Так, поворот к лучшему в восприятии Америкой нашей страны в 50-х годах XIX века Журавлёва и Курилла связывают с наметившимся в 40-е годы расширением сотрудничества двух стран в различных областях. Насколько закономерна такая зависимость, вопрос открытый, ибо для ответа на него необходимо располагать более богатым материалом, чем тот, который накоплен к настоящему времени.

В этой связи обращает на себя внимание одно любопытное явление. По наблюдениям профессора истории Канзасского государственного университета Дэвида Стоуна, автора статьи «Восточный фронт в американских учебниках истории: взгляд оптимиста», многие учебники, созданные в Соединённых Штатах в годы «холодной войны», выглядят в их суждениях о Советском Союзе более объективными, чем учебники, написанные в постхолодновоевропейский период и затрагивающие тему России.

К такому же выводу приходит и доцент факультета географии Калифорнийского государственного университета в Лонг-Бич Дмитрий Сидоров – автор одной из самых интересных статей сборника, в которой предпринимается попытка «анализа популярной геополитики конструирования Восточной Европы и России через визуальную составляющую учебников мировой региональной географии США» [14, с. 319], являющейся одним из базовых общеобразовательных предметов в североамериканских университетах и колледжах. Говоря конкретнее, Сидоров анализирует содержащиеся в учебниках «визуальные иллюстрации физических и городских ландшафтов, исторических событий и повседневных действий населения» [14, с. 321], которые, как это бывает с картинками, порою запоминаются лучше, чем вербальный текст.

«Парадоксально, – заключает автор, – но иллюстрации учебника времён «холодной войны» выглядят более современными и по содержанию, и по мышлению, чем замороженные во времени и в воображении изображения “Другого”, постхолодновоевропейской России в учебнике современном. Именно на страницах того издания (речь идет об одном из учебников, написанных в годы «холодной войны» – Э.Б.) можно было увидеть, например, исчезнувшие теперь полноценные прямые визуальные отсылки к Кремлю, более того, увидеть его Соборную площадь... обновленные города... решающих свои проблемы сильных мужчин, убирающие урожай комбайны, идущие уверенным рядом...» [14, с. 339]. Сего-

дня картина иная: «...в учебниках присутствуют изображения разрушенного Грозного в большей степени, чем столицы страны... Только в двух учебниках из семи представлены виды Красной площади, и ни в одном не показан Кремль как таковой или его Соборная площадь с самыми главными историческими соборами» [14, с. 331] и т.п.

Сидоров объясняет это тем, что «изображения России в современных американских учебниках мировой региональной географии склонны к "празднованию" поражения СССР в "холодной войне" через выделение проблемного, маргинального, экзотического и фрагментарного за счёт отказа от показа исторической преемственности, базисных культурно-исторических периодов и центральных географических знаков суверенной цивилизованности» [14, с. 341].

В объяснении Сидорова есть свой резон. Но сознаюсь, что не отношусь к числу тех, кто считает, что СССР потерпел поражение в «холодной войне»: всё, на мой взгляд, серьёзнее. Наша страна проиграла не «холодную войну», а соревнование двух систем, частью которого (всего лишь частью!) была «холодная война». И это не могло не найти отражения в сознании американцев и остального мира, а значит – не могло не отразиться на нашем имидже. Образ «Другого» всегда фиксирует представление имиджмейкера о статусе этого «Другого». Можно сказать иначе: представление о статусе прообраза имиджа является важным фактором, определяющим содержание его имиджа. Американцы могли не любить Советский Союз и даже рассматривать его как «Врага», но они не могли не считаться с ним как с супердержавой и в этом смысле – как с равной, которая требует уважительного отношения. С распадом Советского Союза Россия утрачивает многие из тех качеств, которыми обладала ранее, перестаёт быть не только супердержавой, но в глазах многих, включая американцев, даже великой державой. Это находит отражение и в её имидже, формируемом за океаном.

С этим связан и ещё один важный момент – национальная самоидентификация и самоуважение. Народ, который через некоторых своих представителей в сфере политики и культуры (включая сферу образования) сам обливает себя грязью, проявляет неуважение к себе, не будет пользоваться уважением и со стороны «Других», что непременно скажется и на его образах. Подчеркну: речь идёт не о национальном чванстве, не о националистических всплесках, которых у нас, к сожалению, достаточно и которые тоже не прибавляют авторитета, а именно о самоуважении, в основе которого лежит признание и защита своих подлинных достоинств и достижений.

Органично вписывается в сборник завершающая его обстоятельная статья В.И. Журавлёвой и И.И. Куриллы «Не разжигать вражду, а способствовать взаимопониманию между народами», посвящённая памяти известного отечественного американиста академика Николая Николаевича Болховитинова. Статья не просто содержательная, но и – что особенно важно в наш жёсткий и жестокий век – добрая.

Конечно, первый шаг всегда сопряжён с трудностями, не все из которых обычно удаётся преодолеть. К тому же подобного рода труды не могут не рождать несогласия с теми или иными положениями и критических замечаний, равно как и желания поделиться с читателем собственными представлениями,

касающимися рассматриваемого предмета – в данном случае принципов формирования имиджа «Другого»^{*}. Но ограничусь суждениями общего плана.

Как это часто случается со сборниками, тем более, если их авторами оказываются представители разных стран, разных культур, разных поколений, разных профессий, рассматриваемая книга лишена жанрового и структурного единства. Есть аналитические статьи, выдержанные в сугубо академическом духе. Есть статьи скорее публицистического плана, направленные на защиту собственной позиции. Есть статьи, пронизанные пафосом критики, чтобы не сказать – обличения. Есть статьи, напоминающие сухое информационное сообщение. Но дело не только в жанровой и структурной разнородности. Не до конца выдержан принцип предметного и временного параллелизма, позволяющий сравнивать подобное с подобным, а именно учебники по истории с учебниками по истории, учебники по литературе – с учебниками по литературе и т.п., и всё это в одних и тех же хронологических рамках.

На этом фоне особенно остро чувствуется отсутствие серьёзной обобщающей статьи, которая бы «стягивала» воедино представленные в сборнике тексты, приводила их, если можно так сказать, к общему знаменателю, давала бы представление об общей динамике и направлении эволюции образов России и Америки на страницах соответственно американских и российских учебников.

Думаю, было бы также нелишним снабдить книгу документальным приложением, содержащим отрывки из американских и российских учебников по истории и литературе – соответственно российской и американской. И дать их без комментариев, но с точной атрибуцией. Иная цитата, взятая в контексте, может сказать умному читателю больше, чем аналитическая статья, даже хорошая.

Авторы следуют сложившейся практике публикации текстов подобного рода сборников на тех языках, на которых они написаны. Хороша или плоха такая практика – вопрос, требующий отдельного обсуждения. Но факт остаётся фактом: для читателя, не знающего языка, текст «закрыт». В самом деле, разве можно менее чем на одной(!) странице англоязычной аннотации передать содержание 50-страничной(!) статьи И. Долуцкого?

Теперь – одно предложение, которое может быть адресовано не только составителям сборника. Много лет назад наш замечательный культуролог и философ Георгий Гачев начал работу над серией исследований, которую он назвал «Национальные образы мира». Вышло что-то около десятка интереснейших, пусть и не всегда бесспорных, работ, посвящённых образам ряда европейских и азиатских стран, а также Америки. Почему бы не попытаться исследовать образы России на страницах немецких, французских, испанских учебников? А разве нам не интересно знать, какими нас видят китайские или японские школьники? Но тут, как того требуют законы компаративистики, потребовалось бы разработать и применить единую матрицу, а также выполнить ещё ряд условий методологического и методического характера. И тогда этому научному «сериалу» не было бы цены.

Завершая разговор, хотел бы отметить одну примечательную, на мой взгляд, деталь. Книга задумывалась как совместный проект Центра американ-

^{*} С этими представлениями читатель может при желании познакомиться, прочитав принадлежащие автору этих строк главы вторую и одиннадцатую книги «“Рычащий медведь” на “диком Востоке”» [1].

ских исследований «Американа» Волгоградского государственного университета и Программы по американистике Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Издана при финансовой поддержке Института Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона (Вашингтон). Напечатана в Волгограде. И, как уже говорилось, подготовлена интернациональным коллективом авторов. Это говорит о многом. Во-первых, повторю, о готовности российских и американских специалистов сотрудничать в исследовании проблем, которые в годы «холодной войны» было невозможно без стремления к получению идеологического «навару» даже поставить. Во-вторых (факт отрадней), о том, что региональные центры американистики, и без того уже завоевавшие научный авторитет, продолжают набирать силу. В-третьих, о том, что отечественная американистика готова ставить проблемы, которые представляют интерес для обществоведения в целом, и участвовать в их разработке.

И последнее. Предлагаемый текст – не рецензия. Это всего лишь несущие на себе печать субъективности и никоим образом не претендующие на то, чтобы восприниматься как истина, размышления рядового, но заинтересованного читателя.

Список литературы

1. *Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В.* «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007). М. 2009. 380 с.
2. *Галумов Э.А.* Имидж против имиджа. М.: Известия. 2005. 552 с.
3. *Галумов Э.А.* Международный имидж России: стратегия формирования. М. 2003. 452 с.
4. *Ефимов А.В.* К истории капитализма в США. М. 1934.
5. *Иванян Э.А.* История США. М.: ДРОФА. 2004, 2006, 2008. 572 с.
6. История США. Тт. 1–4, М.: Наука. 1983–1987.
7. История США. Хрестоматия / Составитель Э.А. Иванян. М.: ДРОФА. 2005, 2009. 400 с.
8. *Козенко Б.Д., Севостьянов Г.Н.* История США. Самара. 1994. 480 с.
9. *Манькин А.С.* Новая и новейшая история стран Европы и Америки М.: ЭКСМО. 2004. 607 с.
10. Обществоведение / Г.Х. Шахназаров, А.Д. Боборыкин и др. М.: Политиздат. 1987. 316 с.
11. *Перельгина Е.Б.* Психология имиджа. М.: Аспект Пресс. 2002. 223 с.
12. Политическая имиджелогия / Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. М.: Аспект Пресс. 2006. 400 с.
13. *Почепцов Г.* Имидж и выборы. Киев: Деловая книга. 1997. 91 с.
14. Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Под ред. В.И. Журавлёвой, И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2009. 408 с.
15. Россия и США: становление отношений, 1765–1815: Сб. док. М. 1980.
16. *Согрин В.В.* История США. Учебное пособие. СПб.: Питер. 2003. 192 с.